

РОДОВАЯ ТРАВМА «ДОКТОРА ЖИВАГО»

DOCTOR ZHIVAGO'S BIRTH TRAUMA

Ланин Б.А.

Заведующий лабораторией дидактики литературы ИСМО РАО, доктор филологических наук, профессор
E-mail: 99bbb@mail.ru

Lanin B.A.

Head of the Laboratory of Didactics of Literature at the Institute for Content and Methods of Education of the Russian Academy of Education, Doctor of Philology, Professor.
E-mail: 99bbb@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются новые материалы, касающиеся публикации романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». Их появление связано с рассекречиванием ввиду сроков давности 130 документов ЦРУ, принимавшего участие в публикации романа на русском языке и использовавшего сам факт запрета в своих целях. Анализ новой историко-культурной ситуации сопровождается анализом философско-эстетических особенностей романа.

Annotation. 'Doctor Zhivago' had been banned from publication in the Soviet Union. The British were suggesting that the CIA get copies of the novel behind the Iron Curtain. The idea immediately gained traction in Washington. The article reflects on the CIA involvement and argues that the artistic value of the book matters much more than new historical facts that we have learned recently. This reflection is combined with the critical analysis of the novel itself.

Ключевые слова: Пастернак, Нобелевская премия, цензура, советская литература.

Keywords: Pasternak, Nobel Prize, censorship, Soviet literature.

В автобиографической книге «Охранная грамота» Б. Пастернак писал, что уже в начале творческого пути «отказался от романтической манеры». Поэт стремился выработать собственный стиль, отражающий его стремление к простоте, и современники не преминули это заметить. «Стихи Б. Пастернака сразу производят впечатление чего-то свежего, небывалого», – писал о книге «Сестра моя жизнь» Валерий Брюсов.

Один из самых любимых сегодняшним читателем поэт при жизни печатался редко, нечасто (в отличие от Маяковского, например) выступал перед читателями. Однако настоящим русским поэтам XX в. всегда было важно соотнести свои оценки с пастернаковскими, обратиться к его творчеству как к некоему классическому образцу.

Конечно, дело вовсе не в том факте, что уже на Первом Всесоюзном съезде писателей в 1934 г. Н.И. Бухарин назвал его «одним из замечательнейших мастеров стиха в наше время», и не в том, что после присуждения ему Нобелевской премии он подвергся оскорблениям и угрозам. Вся жизнь поэта представляет собой высокий образец служения искусству. Он умел оставаться Поэтом во все времена, не обращая внимания на раздававшиеся в его адрес на протяжении трех десятилетий нападки, обвинения в формализме и безыдейности.

ДОКТОР ЖИВАГО: Из истории создания и публикации романа

Работу над романом «Доктор Живаго» Пастернак начал в 1946 г., а завершил зимой 1955–1956 гг. Роман этот очень лиричный, и читатель сразу обращает внимание на оригинальность прозы, написанной великим поэтом. Оригинальность эта сразу же подчеркивается композицией: после прозаического текста романа следует цикл стихов Юрия Живаго «Стихи из романа», который был опубликован в апреле 1954 г.

В своей вступительной заметке к публикации стихов Пастернак писал: «Герой Юрий Андреевич Живаго, врач, мыслящий, с поисками, творческой и художественной складки, умирает в 1929 году. После него остаются записки и среди других бумаг написанные в молодости отдельные стихи... которые во всей совокупности составят последнюю, заключительную главу романа». Познакомившись с замечательными стихами, читатели с нетерпением ждали публикации самого романа. Однако нескоро суждено было сбыться их надеждам и ожиданиям. Представленная в журнал «Новый мир» рукопись была отклонена редакцией. В нарушение всех правил и традиций отказ редакции, подписанный известными писателями Б. Лавреневым, К. Фединым и К. Симоновым, был опубликован в самом журнале (а роман, о котором ведется в нем речь – нет!). В этой разгромной публикации говорилось: «Дух Вашего романа – дух неприятия социалистической революции».

Проблематика романа

Как и сам автор, главный герой романа вовсе не пытается ни противостоять истории, ни влиять на ее ход. Юрий Живаго всего лишь доктор, врач, и не в его силах изменить историю. Но дать нравственную оценку тому, что происходит, оценить общечеловеческий смысл происходящих вокруг него событий – от этого он вовсе не отказывается. Напротив, именно его размышления, его лирические монологи и составляют главный смысл романа. Вообще обычный роман – это эпический жанр. В эпосе автор-повествователь, как правило, лишь рассказывает о событиях, искусно маскируя свои оценки и внешне предоставляя читателю самому судить о происходящем.

Но «Доктор Живаго» отличается невероятной для романа авторской активностью. Автор как бы и не скрывает, что герой романа – его alter ego, его второе «я». ««Доктор Живаго» – это вовсе не роман в традиционном понимании, это раскрытие мира и личности

через лирический монолог, хотя этот монолог и дается в третьем лице, это пропускание русской истории и русской жизни через призму восприятия богатой и сложной личности, ибо только личность, осмысливая действительность, придает ей цену, и бездушная бессмыслица фактов обретает смысл...»», – пишет эмигрантский критик Юрий Мальцев.

Доктор Живаго поначалу рассуждает: «Какая великолепная хирургия! Взять и разом артистически вырезать старые вонючие язвы! Простой, без обиняков, приговор вековой несправедливости, привыкшей, чтобы ей кланялись, расшаркивались перед ней и приседали... Это небывалое, это чудо истории, это откровение ахнуто в самую гущу продолжающейся обыденщины без внимания к ее ходу... Это всего гениальнее. Так неуместно и несвоевременно только самое великое». Но когда он непосредственно сталкивается с реальностью гражданской войны, то видит самые омерзительные ее стороны. Его отталкивает как жестокость белых, так и жестокость красных:

«Доктор вспомнил недавно минувшую осень, расстрел мятежников, детоубийство и женоубийство Палых, кровавую колошматину и человекоубоину, которой не предвиделось конца. Изуверства белых и красных соперничали по жестокости, попеременно возрастая одно в ответ на другое... От крови тошнило, она подступала к горлу и бросалась в голову, ею заплывали глаза. Это было совсем не нитье, это было нечто совсем другое».

Для советских критиков такая позиция главного героя выглядела даже не заблуждением, а политическим предательством. Доктор Юрий Живаго уходит из партизанского лагеря, но автор вовсе не осуждает его. Поступок доктора Живаго оказывается единственно правильным с точки зрения общечеловеческой морали. Доктор оказывается проводником той самой нравственности, которую привнесло в человечество христианство и которая была отвергнута новыми властителями России.

Герой и революция

Революционная действительность оказывается куда страшнее революционной идеи. Юрий Живаго больше никогда не заговорит о революции как о «великолепной хирургии». В беседе с Ливерием Аверкиевичем звучит уже совсем иной тон его рассуждений: «...во-первых, идеи общего совершенствования так, как они стали пониматься с октября, меня не воспаляют. Во-вторых, это все еще далеко от осуществления, а за одни еще толки об этом заплачено такими морями крови, что, пожалуй, цель не оправдывает средства. В-третьих, и это главное, когда я слышу о переделке жизни, я теряю власть над собой и впадаю в отчаяние».

Революция – это всегда переделка жизни. Вожди революции никогда не скрывали, что претендуют именно на это. Юрий Живаго более не разделяет ни методов, ни целей революции. В том же разговоре с Ливерием Аверкиевичем он высказывает мысли, которые отражают оценки самого автора: «Переделка жизни! Так могут рассуждать люди, хотя и выдавшие виды, но ни разу не узнавшие жизни, не почувствовавшие ее духа, души ее. Для них существование – это комок грубого, не облагороженного их прикосновением материала, нуждающегося в их обработке. А материалом, веществом жизнь никогда не быва-

ет. Она сама, если хотите знать, непрерывно себя обновляющее, вечно себя перерабатывающее начало, она сама вечно себя переделывает и претворяет, она сама куда выше наших с вами тупоумных теорий».

Доктор Живаго, как мы уже отмечали, одновременно не только герой романа, но и второе «я» автора. Он выражает авторские размышления о времени, о назначении искусства, о высокой миссии поэта, приходящего в мир с тем, чтобы напомнить другим людям о сокровенных порывах души.

По Пастернаку, по вытекающему из его романа выводу, революция стала для русского народа трагическим шагом назад, назад от библейских заповедей, назад к дикости и ожесточению. Разве может эта революция даже сравниться с той, настоящей революцией нравов, которая «свершилась много веков назад, когда зародилось христианство, когда кончилась «власть количества» и «личность, проповедь свободы» пришла ей на смену, когда «отдельная человеческая жизнь стала божьей повестью, наполнила своим содержанием пространство вселенной». Главный стержень романа, которым в конечном итоге определяется и его необычная форма, – персонализм», – утверждает Юрий Мальцев.

Личность, ее права и возможности, самоценность и неприкосновенность – вот что такое персонализм для Пастернака. Его герои живут рядом со смертью. Смерть постоянно угрожает людям, но они ее не боятся: личность выше смерти, душа человека после смерти растворяется в окружающем мире, а с ней растворяются и остаются в мире человеческие добро и память.

Бесчеловечные времена затягивают людей в водоворот кровавой бойни. Живаго вовсе не боец, напротив, он подчеркивает свое нежелание воевать. И этот человек тем не менее участвует в гражданской войне то на одной, то на другой стороне. Оказавшись на стороне красных, в партизанском отряде, он видит перед собой наступающих белых. Он вглядывается в их лица, и ему кажется, что уже где-то он их видел. Да и чему удивляться, ведь это были люди одной с ним культуры, получившие то же воспитание, что и он, выходцы из того же круга, из тех же слоев столичного общества.

Юрий хотел бы сдать им в плен, но понимает, что, выбеги он с поднятыми вверх руками, его убьют сразу же: либо красные за предательство, либо белые – не разобравшись. Но убивать людей ему, врачу, связанному клятвой Гипократа, никак нельзя. Да и не в клятве дело: война противна гуманистическим убеждениям Юрия Живаго. У него даже нет оружия. Но вот забился в предсмертной судороге и застыл лежавший рядом с ним в цепи телефонист. И тогда Живаго находит, как ему кажется, выход из положения. Доктор начинает стрелять в стоящее перед ним одинокое обуглившееся дерево. Он всаживает в черный ствол – символ траурных, скорбных событий – пулю за пулей, сбивая с него омертвевшие нижние сучья. «Но о ужас! Как ни остерегался доктор, как бы не попасть в кого-нибудь, то один, то другой наступающий двинулись в решающий миг между ним и деревом, и пересекали прицельную линию в момент ружейного разряда. Двух он задел и ранил, а третьему несчастливцу, свалившемуся недалеко от дерева, это стоило жизни».

Время убийств и кровавых деяний заставляет человека стать убийцей против его воли. Позиция «над схваткой» не спасает героя, в противоборстве двух сторон он вынужден определить и занять свое место. Но, даже убив человека, доктор остается самим собой,

не впадает ни в отчаяние, ни в ожесточение. Он честно проживает свой век, живя нелегкой жизнью истинного русского интеллигента в тяжелое для России время.

Сквозным мотивом «Доктора Живаго» становится мотив движения, символизирующий неостановимое развитие жизни. Доктор Живаго – последний русский интеллигент – умирает, едва выйдя из переполненного трамвая, где ему не хватало воздуха. В последний миг он рухнул из трамвая замертво, а тот, поскрипывая, пополз дальше. Так и развивается, постепенно, медленно, жизнь, так и выпадают из нее один за другим люди. Юрий Живаго пережил разлуку с любимой женщиной, с любимыми детьми. Драматичность его личной жизни окрашена багровыми тонами революции, современником и невольным участником которой он стал.

Таковы основные идеи романа, а также тот взгляд на исторические события, которые проповедует автор.

Композиция романа

Повествование «Доктора Живаго» складывается из небольших пронумерованных частей. Этим они напоминают стихотворения, которые заключают роман. Такая переключка укрепляет композицию романа, придает ему особенную цельность.

Читателя удивляют слишком частые совпадения. Пастернака порой даже упрекали за это. Случайно Юра Живаго впервые видит Ларису с Комаровским. Затем, через много лет после этой встречи, он влюбляется в Ларису, позднее они встречаются в Юрятине. Комаровский, который совратил юную Ларису, оказывается одним из виновников трагической гибели отца Живаго.

Кроме того, в конце романа Евграф Живаго «случайно» встречается с дочерью погибшей Ларисы. Но самые трагические совпадения – это две случайные встречи Юрия Живаго с Антиповым-Стрельниковым. В первую встречу всемогущий в ту пору Стрельников, сменивший фамилию Антипов, разговаривает с доктором издевательски, но все же отпускает его. Антипову-Стрельникову, от одного слова которого в кровавые времена зависят судьбы людей, неизвестно, что следующая встреча с доктором закончится для него самоубийством, трагическим признанием своего жизненного поражения. Так смерть всегда ходит рядом с героями этого замечательного романа.

«...«Доктор Живаго» – выдающееся произведение, ни «правое», ни «левое», а просто роман из революционной эпохи, написанный поэтом – прямодушным, чистым и правдивым, полным христианского гуманизма, с возвышенным представлением о человеке... безвкусицы в Пастернаке нет, как нет позы и дешевой ходульности. Роман, очень верно изображающий эпоху революции, но не пропагандный», – говорил о «Докторе Живаго» замечательный писатель-эмигрант Борис Зайцев.

Символично, что после смерти героя произведение не заканчивается. Ведь остались стихи, написанные доктором, и в них читатель как бы заглядывает в душу героя, за жизнью которого он следил, читая роман. «Я был настроен очень революционно, а теперь думаю, что насильственностью ничего не возьмешь. К добру надо привлекать добром», – с этим выводом Живаго обращается к читателю.

Мудрость тысячелетий воплотилась в одном из лучших произведений Пастернака. Его стихотворение «Гамлет» написано в конце 1946 г. Им открывается цикл из 25 стихотворений, завершающий роман «Доктор Живаго». Образ Гамлета был очень близок Пастернаку – «русскому Гамлету», как его называли на Западе. Он перевел эту трагедию Шекспира на русский язык (а кроме нее – еще пять шекспировских трагедий).

Стихотворение написано от имени актера – исполнителя классической роли Гамлета. Жизнь представляется ему игрой перед тысячами невидимых зрителей. Та несправедливость, которая предстает перед глазами героя, накладывает на него особую ответственность. Тема Гамлета связывается в стихотворении с лейтмотивом самопожертвования. Гамлет становится новым воплощением Иисуса Христа, молившего о чаше: «Если только можно, Авва Отче, чашу эту мимо пронеси». Здесь писатель в поэтической форме разворачивает фразу из Евангелия от Матфея: «Отец мой! Если возможно, пусть минует Меня эта чаша! Однако пусть свершится не то, что Я хочу, но что Ты хочешь!»

В этом родстве двух великих вдохновляющих фигур – Христа и Гамлета – трагичность роли Гамлета: эта роль – тяжкий крест лирического героя. Поэтому обращение к Богу тщетно: поэт сам себя избрал искупительной жертвой за человеческие грехи. Как и Гамлет, он «один, все тонет в фарисействе. Жизнь прожить – не поле перейти».

Добро, привлекающее добро, пронизывает и «Стихотворения Юрия Живаго» – поэтический цикл, завершающий роман.

Публикация и последствия

Роман был слишком дорог автору, чтобы он мог так легко предать свое творение, изменить его духовное и культурное наполнение.

Писатель обратился в ЦК КПСС с письмом, в котором утверждал: «Единственный повод, по которому мне не в чем раскаиваться в жизни, – это роман. Я написал то, что думаю, и по сей день остаюсь при этих мыслях. Может быть, ошибка, что я не утаил его от других. Уверяю Вас, я бы его скрыл, если бы он был написан слабее. Но он оказался сильнее моих мечтаний, сила же дается свыше и, таким образом, дальнейшая его судьба не в моей воле. Вмешиваться в нее я не буду. Если правду, которую я знаю, надо искупить страданием, это не ново, и я готов принять любое».

Пастернак передал рукопись итальянскому издателю, и впервые роман вышел в Италии, после чего «Доктора Живаго» сразу же перевели на многие языки мира. Пастернаку была присуждена Нобелевская премия, от которой, отвечая на давление властей, он отказался. В СССР была организована травля великого поэта. Его забрасывали злобными, угрожающими письмами, собирались митинги и собрания, где люди, никогда не читавшие его романа (ведь он был опубликован на родине только тридцать лет спустя, в 1988 г.!), требовали сурового наказания для автора, высылки его за границу.

Бориса Пастернака исключили из Союза Писателей – позор не только для Союза, но и для соотечественников поэта. Сам он писал в одном из своих частных писем в ответ на предостережение от возможных трагических неожиданностей: «...как бы они ни были

тяжелы или даже, может быть, ужасны, они никогда не перевесят радости, которой никакая вынужденная моя двойственность не скроет, что по слепой игре судьбы мне посчастливилось высказаться полностью, и то самое, чем мы так привыкли жертвовать и что есть самое лучшее в нас, – художник оказался и в моем случае незатертым и нерастоптанным».

Публичное поношение и бесконечные угрозы ускорили смерть писателя. Лишь очень немногие, единицы, смогли заступиться за него в доступной им форме: воздержаться при голосовании об исключении Пастернака из Союза писателей. Он умер великим писателем для всего мира, но для советских соотечественников он был лишь «членом Литфонда».

Посмертная история романа

После смерти писателя остались многочисленные вопросы. Почему он, всемирно известный писатель, был похоронен в стареньком костюме, в то время как Ольга Ивинская, его любимая женщина, явно продолжала жить на широкую ногу? Почему именно ее, судя по доверенности, Пастернак уполномочил вести переписку с зарубежными издателями? Куда подевались огромные гонорары, которые привозили посредники буквально в рюкзаках: 230 тысяч рублей за последние три года жизни писателя? А главное: как же все-таки пробился к читателю «Доктор Живаго»?

На эти вопросы постарался ответить И.Н. Толстой в книге «Отмытый роман Пастернака: «Доктор Живаго» между КГБ и ЦРУ» (М.: Время, 2009). Книгу объемом 496 страниц Толстой постарался сделать максимально документированной, к тому же она написана весьма интригующе, порой захватывающе. Еще 14 декабря 2006 г. Толстой прочитал доклад об истории первой русской публикации романа в Библиотеке иностранной литературы им. Рудомино. Русское издание на Западе было организовано в основном графиней Жаклин де Пруайяр. Гаагское издательство «Мутон» опасалось потерять рынок и авторов в лице западных славистов из-за политического скандала и отказалось печатать первоначально намеченный к публикации текст. Только у де Пруайяр был вычитанный и авторизованный Пастернаком текст. За ним обратился лидер «Конгресса за свободу культуры» Николай Набоков, пообещавший оплатить очень скорую публикацию. Узнав, что родственник известного писателя является сотрудником ЦРУ, графиня отказалась с ним сотрудничать. Толстой приводит один из любопытных слухов: якобы сотрудники ЦРУ похитили чемодан с рукописью прямо из аэропорта, быстро сделали копии страниц, а затем «вернули потерянный багаж» владельцу.

И. Толстой оставлял возможность для продолжения истории, и не ошибся. 5 апреля 2014 г. влиятельная газета The Washington Post опубликовала статью американского журналиста Питера Финна и голландской славистки Петры Куве «Во время холодной войны ЦРУ использовало «Доктора Живаго» в подрывной деятельности против Советского Союза» [1].

Статья основывается на книге «Дело Живаго: Кремль, ЦРУ и сражение за запрещенную книгу». Дело в том, что сейчас за сроком давности рассекречено более 130 документов, в которых рассматривается непосредственное участие ЦРУ в издании и распространении книги. Пленку со страницами спецслужба получила от британских коллег. В инструкции

распространителям по всему миру указывалось, что книга имеет важную пропагандистскую ценность, ибо дает возможность советскому читателю задуматься: что же не так с их руководством, если просто хороший роман, написанный великим писателем, не может быть издан на родине для его читателей. Так или иначе, главная книга Пастернака была выпущена на языке оригинала, и негласное требование Нобелевского комитета к выдвигаемым на премию писателям было выполнено. Борис Пастернак стал первым советским писателем, получившим Нобелевскую премию.

Умалает ли эта история репутацию писателя или художественные достоинства его романа? Конечно, нет. И. Толстой ответил на этот вопрос в интервью после выхода своей книги: «Негоже разделять литературные достоинства этой книги и моральный, гражданский поступок Пастернака. Потому что этот человек преодолел то, что все остальные писатели в Советском Союзе преодолеть не смогли» [2].

Список литературы:

1. *Finn, P.* During Cold War, CIA used 'Doctor Zhivago' as a tool to undermine Soviet Union / Peter Finn, Petra Couvée // The Washington Post [Electronic resource]. – 2014. – April 6. – Mode of access: http://www.washingtonpost.com/world/national-security/during-cold-war-cia-used-doctor-zhivago-as-a-tool-to-undermine-soviet-union/2014/04/05/2ef3d9c6-b9ee-11e3-9a05-c739f29ccb08_story.html.
2. *Шарый, А.* Толстой И. «Отмытый роман». История публикации «Доктора Живаго» / А. Шарый // Веб-страница Радио Свобода [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.svoboda.org/articleprintview/479902.html

---

Spisok literatury:

1. *Finn, P.* During Cold War, CIA used 'Doctor Zhivago' as a tool to undermine Soviet Union / Peter Finn, Petra Couvée // The Washington Post [Electronic resource]. – 2014. – April 6. – Mode of access: http://www.washingtonpost.com/world/national-security/during-cold-war-cia-used-doctor-zhivago-as-a-tool-to-undermine-soviet-union/2014/04/05/2ef3d9c6-b9ee-11e3-9a05-c739f29ccb08_story.html.
2. *Sharyi, A.* Tolstoy I. «Otmityi roman». Istoriia publikatsii «Doktora Zhivago» / A. Sharyi // Veb-stranitsa Radio Svoboda [Elektronny resurs]. – Rezhim dostupa: www.svoboda.org/articleprintview/479902.html